

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Фантастический рассказ

«В эпоху первых Контактв был случай взаимоуничтожения двух планет в результате того, что их обитатели не поняли друг друга».

(Из Истории первых Контактв)

Передача прекращена, — медленно произнес Май. — Отдых. Конец.

Движением, полным усталости, он откинулся на спинку кресла, и та послушно подалась под ним. Май поворочался на образовавшемся мягком ложе, устраиваясь поудобнее. Теперь спать, спать...

Но сон не приходил и отдыха не было.

Май с завистью подумал о тех, кто был на борту. Корабль описывает гигантскую замкнутую кривую на далекой окраине этой чужой Системы. В его просторной кают-компании собралась сейчас половина экипажа. Говорят, разумеется, о нем, вернее, о полете его поисковой капсулы вокруг безжизненного спутника загадочной планеты, единственной в Системе, где, судя по всему, могла существовать разумная жизнь.

Теперь сомнений уже не оставалось. Планета была обитаемой, и те, кто на ней жил, не замедлили со всей определенностью информировать об этом космических пришельцев: сначала, естественно, Мая, а через экран его капсулы — всю экспедицию. Но знали ли они, что поисковая капсула — всего лишь вестовой большого корабля, дрейфующего за миллионы километров от них? Разведчик был уверен: знали. Не могли не прийти к этому выводу, потому что...

— Ты спишь? — голос Фирна прозвучал приглушенно, как говорим мы, чтобы не разбудить человека на случай, если он все-таки уснул, хотя это и маловероятно.

Нить мыслей мгновенно прервалась. Май четко ответил: — Нет. Я готов, капитан.

Последняя фраза была обычной формулой из Космического устава, прочно закрепившейся в сознании. Она вырвалась непроизвольно. Разведчик знал, что он имеет право отвечать не по-уставному, и Фирн тут же подтвердил это, сказав необычно мягко:

— Ничего не требуется. Я просто хотел спросить, не нужно ли тебе принудительное отключение. Ты переутомлен, Май, и, может...

— Не надо! — поспешно сказал разведчик. — Я сам.

— Как знаешь.

В голосе капитана было удовлетворение.

Поисковая капсула управлялась с корабля. Оттуда, с командного пункта экспедиции, включались системы объемного мыслиеизлучателя и экрана, рассчитанного на прием ответных сигналов с чужой планеты; точно так же в случае необходимости могла быть подана команда на экстренное удаление капсулы с ее орбиты и возвращение на борт корабля. Только спуск на поверхность, если такое решение будет принято, Разведчику предстояло осуществить самому.

Но спуск задерживался.

Май включил сигнал вызова.

— Капитан, — сказал он. — Мы в чем-то ошиблись? Неужели мы в чем-то ошиблись? Но в чем?

Фирн отозвался не сразу, и, по существу, ответа в его словах не было.

— Постарайся заснуть. Не тревожься, Май...

Разведчик вновь остался наедине со своими мыслями.

«Не тревожься», — сказал капитан. Почему он сказал так? Разве не было десятков испытаний и Май не выдержал их? Стать Разведчиком — высшая честь для астролетчика, ибо здесь отбираются единицы из сотен. Разведчик — тот, кто первым вступает в Контакт, его могут ждать неожиданности настолько многочисленные и разнообразные, что диапазон допускаемых версий практически неограничен. Такова самая суть Kontakта — встречи с неведомым миром. Конечно, ты можешь погибнуть, но не в этом самое страшное, и так говорят не ради красивой фразы. Просто так и есть на самом деле: ничтожная ошибка, допущенная Разведчиком

в процессе установления Контакта, может обернуться последствиями самыми тяжелыми, вплоть до катастрофы в глобальных масштабах. Ведь встречаются два мира — две истории, две цивилизации, два образа мышления, два... Словом, все может оказаться разным, а возможно, противоречивым и даже враждебным. Не так ли было в последней, Великой войне, хотя в ней стояли друг против друга отнюдь не обитатели разных планет. Даже океан не разделял их, и тем не менее два мира оказались настолько противоположными друг другу, что исключалась всякая возможность компромисса. Когда в страну Мая вторглись военные машины врагов, каждому стало ясно: победа или исчезновение с лица планеты, дальнейшая жизнь по законам, по которым жил его мир, или смерть. Середины не оставалось. Это понимали даже малыши — такие, каким был в то время он, Май.

Давнишнее, сначала смутное, воплощенное только в чувство, воспоминание всплыло в памяти Разведчика. Оно становилось все четче, краски делались контрастнее, оживали запахи, звуки, все это наполнялось невыносимо резкой жизнью ощущений... Прошлое обретало плоть, пронизанную болью, потому что доминирующей эмоцией был страх, и у нынешнего Мая пойманной птицей билось сердце, кровь все сильнее стучала в висках.

Внезапно все кончилось. Исчез грохот, падающий с пылающего неба, разом погасли зарницы взрывов, не стало ужаса. Мая — тогдашнего, маленького — придавило чем-то тяжелым и мягким, стало трудно дышать, однако он не успел вновь испугаться.

— Май! — отчаянный и пронзительный раздался крик, знакомые руки высвободили его из-под тяжести, и он, как спасение, ощутил родной слабый запах цветов, который в его сознании всегда был неотделим от матери.

Позже Май узнал, что его прикрыл своим телом незнакомый воин и принял на себя смерть, прилетевшую с грохочущего неба.

Великая война была долгой. Агрессоры встретили сопротивление, которого не ожидали. Непоколебимо уверенные на первых порах в своем могуществе, теперь они уже сами боролись за свою жизнь и тем яростнее были в схватке. Впоследствии война получила название Великой — гордое, звонкое название. Но в народе ее окрестили также Кровавой, и тут не было никакой метафоричности. Кровь лилась

широким потоком — обыкновенная, красная горячая кровь, ее не хватало для раненых, погибавших в госпиталях, потому что никакие медикаменты не могли заменить алой жидкости, вытекающей из бесчисленных ран.

Многие женщины и те из мужчин, кому не довелось по различным причинам воевать с оружием в руках, отдавали свою кровь Обществу. А чтобы организм мог восстановить ее, им выделяли из скудных запасов питания дополнительную малую толику.

Мать отдавала ее Маю, и он радовался, как звереныш, который умирает от голода, и вдруг ощущает на языке живой вкус пищи, и жадно поедает ее, не задумываясь ни над чем.

Однажды в темной холодной комнате (энергия была нужна для войны) мать сидела с ним над жалким, грозящим погаснуть огоньком, а потом сразу упала на этот огонек, лишившись сил от полного истощения. Тихо плача, Май с величайшим трудом оттащил ее в сторону. Они долго лежали рядом на полу в изнеможении. Потом мать поднялась, достала из какого-то тайника крошечный кусочек лакомства и отдала его Маю, и он, как всегда, жадно и бездумно проглотил его. В комнате было несколько таких тайников. Мать прятала в них крохи съестного, чтобы Май не нашел и не съел сразу. Спрятав же, плакала, но и об этом Май узнал много позже.

Шло время, война не кончалась, Май подрастал и начал понемножку понимать, что мать отдает ему львиную долю еды. Теперь он протестовал, получая содержимое тайников. Однако мать уверяла, что она сыта, и отказывалась от доли, которую он упрямо выделял ей. Стыдясь и ненавидя себя, Май в конце концов съедал все без остатка.

Те, из враждебного мира, были повержены. Часть их — безнадежные фанатики — предпочла погибнуть. Остальные постепенно учились видеть мир не в кривом зеркале, как прежде. Наступила эра Гармонии. Это был мир, о котором еще никто не рассказал по-настоящему. А сейчас такая задача была возложена на Мая, и ее сложность неизмеримо возрастала оттого, что рассказывать надо было неведомым представителям неведомой планеты, открытой экспедицией после четырех больших циклов межзвездного полета.

В замкнутом пространстве поисковой капсулы, по-детски свернувшись клубочком, крепко спал одинокий Разведчик

Май, с блеском окончивший Университет Контактв, впитавший в себя мудрость великих знаний. Май, выдержавший труднейший экзамен на право называться Разведчиком. Май, находившийся в зените зрелой молодости, безукоризненно владеющий собой, холодный и четкий в минуту действия, ясный и наделенный девственной чистотой помыслов, — совершеннейший продукт Общества, которое жило по законам Гармонии.

Он крепко спал в своей капсуле, которая описала уже множество витков вокруг единственного спутника планеты, где экспедиция нашла жизнь, но пока что не сумела установить с нею Kontakta. Поскольку же со второй задачей предстояло справиться именно Маю, выходило, что он потерпел неудачу.

Однако сейчас, выключенный наконец из действительности безмерной усталостью, Разведчик был далек от этих горьких мыслей. В его сознании сменялись картины прошлого. Он заново переживал ужас смерти, которая может обрушиться в любое мгновение, но неизвестно откуда, и муки голода, тяжкие для живого существа, ибо они отнимают у него волю и желание жить и действовать, но особенно жестокие, когда они терзают существо неразумное, лишенное еще защитной брони здравого смысла и надежд. Он вновь видел увиденное однажды и неискоренимо врезавшееся в детское сознание — живое еще и тем более страшное тело мужчины, разорванное бомбой. Перед его глазами опять пылали и рушились, чернея, как сухие поленья в огне, остовы многоэтажных домов. Он слышал звериные крики смертельно раненных и тихий, похожий на безнадежный ропот затяжного дождя, льющего бессонной ночью, плач тех, кто хоронил близких. Заново переживал Май мучительный стыд перед неспособностью превозмочь себя и не съесть то, что, он знал, по праву принадлежит матери. В тысячный раз он, уже юноша, кричал «нет!» смерти, которая холодила руки матери, и в тысячный раз радовался ее возвращению к жизни. Он повторял — как молитву, сказали бы мы — клятву всю свою жизнь делать все от него зависящее, чтобы не повторилась война, какими бы гордыми и звонкими названиями ни окрестили ее потом историки.

Такое бывало с Маем редко, но не однажды. Эта непостижимая для подавляющего большинства окружающих способность облекать в кровь и плоть, в живые звуки и ароматы мысли и чувства, которые они могли выражать в лучшем

случае в словах, да и то бледных, невыразительных и почти мгновенно превращающихся в пепел, безжизненно сворачивающихся, как паутина в пламени спички, — этот редкий дар едва не помешал ему стать Разведчиком.

Воображение — бесценное преимущество художника перед остальными и проклятие его. Таково было заключение мыслящих машин-экзаменаторов после испытания на душевную полноценность. Разведчик должен руководствоваться в своих поступках логикой и здравым смыслом, вытекающими, разумеется, из Кодекса высшей морали. Эмоции — ненадежный спутник исследователя чужих миров. Между тем у экзаменуемого они преобладают над логикой...

И все-таки Фирн, которому принадлежало последнее слово, выбрал среди массы других Мая. Но он не сказал Разведчику почему.

А поисковая капсула, сделавшаяся на время спутником спутника загадочной планеты, продолжала свой беззвучный стремительный полет. Приближалось время нового — в который уже раз! — выхода на прямую оптическую связь с планетой, время последней попытки установить Контакт с другим миром. На командном пункте было решено: если эта попытка также окажется бесплодной, Разведчик возвратится на борт, и корабль покинет пределы Системы.

В полностью отключившемся от действительности и жившем теперь самостоятельной жизнью сознании Разведчика роились, сменяясь, ослепительно яркие и, как удар током, осязаемые видения. Свернувшись по детской привычке клубочком, Май спал.

Примерно на половине пути к Системе, где находился теперь корабль, экспедиция натолкнулась на открытие, сущность которого нашла в конце концов свое выражение в формулировке Фирна:

— Можно считать доказанным, что произошло взаимное уничтожение двух миров. Видимо, их обитатели не смогли найти надежной формы установления Kontakта, и это вызвало столкновение, повергшее за собою исход, трагический для обеих сторон... Впрочем, что касается причины столкновения, то это лишь мое предположение.

Мнение капитана разделили все, и, если отбросить объемистый отчет с результатами анализов на остаточную радиоактивность и многочисленных исследований другого рода,

печальное открытие экспедиции было зафиксировано в бортовом журнале приблизительно в тех выражениях, в которых его определил Фирн. Практическим же выводом из этого явилась повышенная требовательность к каждому из членов экипажа в смысле верности букве Космического устава.

Когда стал очевидным факт существования цивилизации на обнаруженной в чужой Системе планете, вновь подверглись тщательнейшей проверке разработанные еще в предполетной подготовке методы установления Контакта.

Перед стартом поисковой капсулы с борта корабля Фирн сказал Маю следующее:

— Что бы ни случилось, ты должен помнить в первую очередь об ответственности. Не исключено, что от тебя будет зависеть судьба не только твоя, но и всей экспедиции. Помни об открытии, которое нашло нас в пути. Конечно, поскольку это зависит от нас, в данном случае подобная трагедия повториться не может. Но мы обязаны смотреть в далекое будущее... Вдруг неудача нашей попытки насторожит или, что несравненно опаснее, испугает обитателей чужой планеты, и они проявят агрессивность если не по отношению к нам, то к новым пришельцам? Наша ответственность перед Разумом безмерна, потому что именно мы — инициаторы Контакта. Действуй только по Инструкции. Я тебе верю.

Май действовал строго по Инструкции, и ему не приходилось прилагать для этого особых усилий — требования Космического устава давно стали второй натурой Разведчика. И если после целого ряда сеансов связи с открытой планетой он ощущал огромное утомление, то лишь потому, что таким оказался характер его работы.

Очень быстро выяснилось: обитатели планеты в совершенстве владеют техникой приема мыслеизлучений и их преобразования в объемные динамические и даже озвученные изображения. Май, а вслед за ним и все члены экспедиции поняли это, когда в ответ на заданную им в уме несложную алгебраическую задачу на экране поисковой капсулы появилось графическое изображение правильного ответа. Различия в начертании знаков были откорректированы без труда — ведь задача относилась к разряду элементарных. Столь же успешной оказалась вторая и множество других попыток. Экспедиция ликовала: встреченный ею в необозримости большого Космоса мир достиг, несомненно, чрезвычайно высокого уровня развития цивилизации. К то-

му же, судя по всему, он развивался по законам, аналогичным тем, по которым шел в своем развитии их собственный мир.

Тогда было решено перейти к следующей стадии установления Контакта. В ней заключалась известная доля риска, но она была ничтожно мала — вряд ли обитатели открытой планеты, если им вздумается проявить агрессивные намерения, смогут, исходя из полученных сведений, определить район галактики, в котором находилась родная планета астронавтов.

И Май начал мысленно рассказывать братьям по Разуму о себе и о своем народе.

Напрягая волю и мозг, стараясь быть предельно четким, последовательным и логичным, он мысленно рисовал сегодняшний день мира Гармонии. Приспосабливаясь к обстановке, Разведчик заботился о том, чтобы его повествование складывалось, как мозаичный рисунок, из отдельных законченных фрагментов — словно книга из глав, сказали бы мы. Такой метод позволял «слушателям» неизменно подтверждать факт получения информации ответными изображениями, со скрупулезной последовательностью возникающими на экране капсулы.

Май рисовал в воображении родной город, возрожденный из руин Великой, или Кровавой, войны: прекрасные в своей неповторимости, но предельно рациональные по конструкторскому решению дворцы жилых кварталов, утопающих в зелени лесов; сферические громады подземных пещер-заводов; строгую четкость движения экипажей в напряженные часы деловой половины дня и праздничную раскованность толпы, отдыхающей в аллеях лесопарков; стерильную голубизну операционных, где достигшие предела отпущенных природой норм существования обретали новую жизнь, и ликующую полнокровную сумятицу на трибунах стадионов в дни больших состязаний. Он рассказывал о торжестве Разума, воплощенном в мудрой гармонии мыслящего существа с природой — деревьями и животными, о законах высшей справедливости, когда каждый получает от Общества желаемое, ибо стремления его разумны и здоровы, и главное среди них — потребность создавать блага для того же самого общества. Май вдохновенно чеканил язык своих мыслей, спеша поведать обретенным братьям обо всем, чего достигли наука, искусство, техника его далекой родины.

И все, о чем мысленно рассказывал Разведчик, с безукоризненной точностью возвращалось к нему в виде изображений на экране.

Май был счастлив: инопланетный мир их понимал!

С правильной периодичностью капсула приближалась к черте, за которой прекращалась визуальная, а по всей вероятности, и электромагнитная связь с планетой, потому что между ними оказывался ее единственный спутник. С корабля поступала команда на отключение мыслизлучателя, и Разведчик неохотно переходил к отдыху, чтобы, проснувшись, с нетерпением ждать нового цикла связи.

Однажды же связь прекратилась в самой середине передачи, и Май сразу догадался, в чем дело. Увлечшись рассказом, весь во власти желания как можно скорее донести до обитателей другого мира свое нетерпение, стремление очутиться наконец на их земле, чтобы можно было приблизить глаза к глазам и ощутить в руке тепло братской руки, он принялся рисовать картины уже не настоящего, а будущего своей планеты.

Связь прервалась, и капитан строго проговорил:

— В тебе опять проснулся художник, Май, но сейчас ты решаешь задачу Разведчика. Не забывай об этом.

Голос Фирна прозвучал холодно, и Май внутренне похолодел. По существу, это была угроза. Экзаменаторы-машины отвергли его кандидатуру именно потому, что учуяли, как властно заявляет о себе художник в сердце Мая.

Излучатель заработал вновь, и Разведчик неловко попытался объяснить им, что произошло недоразумение. Некоторое время экран был чист. Потом по нему пробежала легкая рябь, как на воде в нашем пруду, когда задует легкий ветерок. Рябь улеглась, и на экране родилось изображение лица. Маю было достаточно одного взгляда, чтобы сообразить: это лицо человека из **другого** мира, хотя оно ничем существенным не отличалось от лиц его соотечественников, причем принадлежало девушке, к тому же очень красивой. Секунду дочь чужой планеты смотрела ему прямо в глаза, потом улыбнулась и исчезла. Затем все пошло как обычно, но Разведчик мог бы поклясться, что его поняли и не осуждают за ошибку.

Тогда-то он и нарушил в первый и в последний раз Инструкцию, не сообщив на командный пункт о промелькнувшем на экране мимолетном чудесном видении. Собственно, это, пожалуй, нельзя было назвать нарушением: вполне

могло оказаться, что лицо просто померещилось ему в результате переутомления. Май добросовестно продолжал свои передачи, и у него совсем не оставалось времени даже мысленно вернуться к случившемуся. Только его нетерпеливое желание очутиться в таинственном мире стало еще сильнее.

Между тем главное было очень плохо, хотя Май и остальные члены экспедиции долго об этом не догадывались. Не догадывался даже Фирн, так как именно он разрешил Разведчику после шестого цикла связи предпринять попытку вступить в непосредственный Контакт с чужой планетой.

Они рассуждали с безупречной логичностью. Обитатели другого мира знали об экспедиции главное: она пришла с миром. Этот тезис Май повторял в каждом цикле с особой добросовестностью, и недоразумений здесь быть не могло.

Поэтому после короткого инструктажа Разведчик направил капсулу к планете, общий язык с обитателями которой был уже, как он считал, найден.

Но планета его не приняла.

Капсула уже вошла в сферу ее притяжения, Май выключил двигатели — и в ту же секунду обнаружил существование Брони.

Серия настойчивых и в равной степени безрезультатных попыток приблизиться к поверхности планеты с предельной убедительностью подтвердила первую догадку: да, чужой мир окружил себя защитным полем, вскоре и получившим на экстренном совещании экспедиции наименование Брони.

На том же совещании, проходившем в обстановке, чрезвычайно тягостной и полной разочарования, выяснилось пресловутое печальное обстоятельство, которого никто до сих пор не замечал. С несомненной готовностью принимая информацию Мая и аккуратнейшим образом подтверждая ее получение, обитатели другого мира ровно ничего не сообщали о себе. Правда, достаточно красноречивым был факт того, что они решили в самом начале Kontakта простейшую алгебраическую задачу, предложенную им Разведчиком. Но это ни о чем не говорило, потому что еще раньше они подтвердили свою способность принимать и расшифровывать мыслеизлучения — куда более веское доказательство весьма высокого уровня развития. Что же касается лица на экране, то теперь Май, особенно остро переживавший неудачу, окончательно уверовал в его иллюзорность.

Совещание было долгим и невеселым. Его результатом

и явилось решение предпринять последнюю попытку — еще три витка по орбите спутника, куда, обнаружив Броню, вернул Разведчик свою капсулу; если обитатели этого таинственного мира, замкнувшегося в себе, сами не выкажут стремления установить с пришельцами Контакт, значит, он не удался. Экспедиция покинет пределы Системы — таково требование Устава.

Подходила к концу ночь. Приближалось время второго, предпоследнего цикла связи с планетой.

Май открыл глаза и вопреки обыкновению не сразу включился в действительность. Слишком сильны и глубоки были его сны, потому что Май был рожден художником.

Он сделал над собой усилие, вновь стал Разведчиком, взглянул на экран и замер.

Черная выжженная пустошь была перед ним, кривилось обугленной рукой уцелевшее деревце, стояла на пороге разрушенного дома мать, и ее сухие губы беззвучно кричали: «Нет!» Потом она медленно отняла от лица руки, обхватила голову подростка, в котором Разведчик узнал себя.

Он явственно ощутил тонкий аромат фиалок и, не помня себя, ударил по клавише связи с кораблем.

— Капитан, — закричал Май, — капитан!

— Спокойно, мальчик, — отчетливо сказал ровный голос Фирна. Он звучал слишком ровно, и от этого у Мая почему-то запершило в горле.

— Капитан, — хрипло произнес он и, откашлявшись, продолжал звонко и радостно: — Они говорят со мной, хотя я... я просто видел это во сне...

— Не волнуйся, Май. Они принимали все, что ты видел во сне. Должно быть, ты видел это очень ярко и переживал слишком сильно. Излучатель не понадобился. Ведь ты рожден художником, Май, а главное — ты сам прошел через все это... А теперь, — тон Фирна изменился, — готовься к полету. Они ждут нас.

— Но, капитан... значит, мы все-таки с самого начала ошибались. Значит...

— Да, Май. Это значит, что универсален не язык математических формул, что убеждает не безупречность логических построений. Мы доказывали им, что пришли с миром, ибо знаем, что несет с собою война, и забывали о главном. Ведь логика мертва в силу своей природы. Недаром ее построения так часто бывают ложны, а иногда

я даже думаю: не родилась ли она первоначально как оружие обмана?.. Кроме того, я видел улыбку на том лице, о котором ты умолчал...

Май опять перестал быть Разведчиком.

— Я думал... — смешался он.

— Понимаю, Май, — серьезно сказал капитан. — Дело не в этом. Просто, увидев улыбку, я поверил, что Контакт все же возможен. Там, где есть юмор, всегда найдется путь к взаимопониманию... Но хватит. Ты готов?

— Я готов, капитан.

...До границы, где начиналось гравитационное поле планеты, оставалось еще далеко, но Разведчик, направлявший полет капсулы, был уверен, что Брони больше не существует.

— Ну вот, — сказала девушка, чье лицо видел Май на экране. — Он уже близко, и защита снята. Корабль тоже вышел из дрейфа и направляется в наш район Системы. Как я рада, что предосторожность оказалась излишней! Подумать только — первый Контакт!

— И все же, — рассудительно отозвался старший диспетчер Станции наблюдения за Космосом, — вы проявили, Светлячок, недопустимое легкомыслие, показав свое изображение Разведчику.

Был он сухопар, обстоятелен в мыслях и действиях и очень дисциплинирован. А она отличалась порывистостью движений и яркой голубизной глаз — деталь, которая и позволила Маю мгновенно определить ее принадлежность к другому миру.

— Господи! — сердито воскликнула Светлячок. — Вам никогда не бывает скучно?

— Сколько раз, — наставительно начал сухопарый, — я советовал вам следить за своей речью. Это архаическое «господи»...

Но Светлячок непочтительно отмахнулась от начальства и совершенно непоследовательно, на взгляд последнего, сказала мечтательно и тихо:

— Только чувства никогда не лгут. Но подумать только: и им пришлось пройти через это...

А под горой, на которой стояла Станция, поспешно одевался в свой лучший праздничный наряд прекрасный город.

Земля готовилась к встрече первых пришельцев.